

Л.М. Щемелева

«К*» («Я не унижусь пред тобою»)

В стихотворении раннего Лермонтова (1832), обращенной к Н.Ф. Ивановой, подводится итог драматичных для поэта отношений с ней. Это своего рода расчет с прошлым, страстный монолог, построенный как обвинение отвергнувшей героя возлюбленной, как приговор той, которая не оправдала его «надежд». В стихотворении отсутствуют скорбные созерцательные размышления о быстротечности любви, обязательные в медитативных элегиях на ту же тему. Боль утраты, неразделенность любви, а также ноты прощения и частичного оправдания, присутствующие в других стихах ивановского цикла, здесь почти полностью вытесняются осознанием высших притязаний своего «Я» («Такой души ты знала ль цену?»), утверждением первостепенной значимости внутренней свободы, окрашенными в тона непримиримого упрека, что находит выражение и в астрофичной организации стиха, все 48 строк которого составляет негодующая инвектива, выраженная энергичным декламационным стихом. Стихотворение можно считать образцом «эмоционального красноречия» Лермонтова.

Стихотворение концентрирует некоторые важные черты лермонтовской поэтики: обвинительный пафос, свойственный многим, в том числе гражданским стихам, звучит здесь в чистом, «беспримесном» виде. Та же последовательность и «чистота» отличают стремление лирического героя воспринимать и осмысливать факты собственной биографии перед лицом «целого мира»: ради исключительной по своей силе любви он «целый мир возненавидел», готов был «целый мир на битву звать». Чувство оскорбленной гордости («Я не унижусь...», «Я горд...») без каких-либо опосредованных связей перерастает в духовное самоутверждение, приобретая черты мировоззренческой позиции («Чего б то ни было земного / Я не соделаюсь рабом»), в рамках которой поэт и уясняет значение жизненного факта.

Необычна в контексте лермонтовской лирики полемичная «мстительная» решимость героя любить «как все» («Отныне стану наслаждаться...» — тема, разрабатываемая Лермонтовым в более глубоком ключе в прозе) и смысл одного из упреков любимой женщине, занимающий в структуре стихотворения важное место:

Как знать, быть может, те мгновенья,
Что я провел у ног твоих,
Ты отняла у вдохновенья!
А чем ты заменила их?».

О своей любви как о «жертве» Лермонтов говорит и в других ранних стихах, но именно здесь (и едва ли не единственный раз) он связывает напрасность такой «жертвы» с утерянной возможностью творчества. Это требование «цены», творческой оплаченности у жизненного «мгновенья» объективно противоречит природе лирического героя Лермонтова, не разделявшего свою личную и поэтическую судьбу и не обменивавшего первую на вторую. В стихотворении звучит также устойчивый в лирике Лермонтова мотив «неизгладимости» любви: «Но слишком знаем мы друг друга, / Чтобы друг друга позабыть» — строки, повторенные в стихотворении «Время сердцу быть в покое».